

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от

Москва

Газета №

Дневник искусств

Русский театр в Бресте

В Государственном институте театрального искусства я руковожу классом русской драмы. В этом году мои питомцы окончили институт. По установившейся традиции они объединились в коллектив, представляющий собой самостоятельный театральный организм. Опыт выпуска таких коллективов оправдал себя. В стенах института зародилось и было создано несколько национальных театров, а в прошлом году из класса, руководимого народным артистом СССР Л. М. Леонидовым, был сформирован театр русской драмы для Гомеля.

Наш новый театр начал формироваться со второго курса. Постепенно, сочетая учебную и производственную работу, мы подготовили «Мещан» Горького, «Опасный поворот» Пристли и «Любовь Яровую» Тренева. В этих спектаклях молодежь демонстрирует свой творческий рост. Сейчас коллектив работает над пьесами «Самодуры» Гольдони и «Профессор Полежаев» Рахманова.

Новый театр представляет собой спаянный, культурный коллектив, очень способный и трудолюбивый. Радуется в нем чувство ансамбля. Моло-

дые артисты овладели основными законами сценического мастерства. Хочется отметить отличников — Н. Ткачеву, М. Пастухову, М. Стулову, В. Муравьеву, С. Лаврову, Н. Костову.

В эти дни театр переживает горячий период. Бипит работа по художественному оформлению спектаклей. Приглашены видные театральные художники Н. Шифрин и В. Рылин. Через несколько дней мы покажем три спектакля. После этого коллектив отправится к месту своей постоянной работы, в город Брест. Художественным руководителем назначен Б. Кульнев, окончивший аспирантуру, режиссерами — О. Старостина и Б. Зазаев, также воспитанники института.

Из писем мы знаем, с каким нетерпением в Бресте ожидают приезда театра. Мы уверены, что он не обманет ожиданий трудящихся.

Связь с театром не будет прервана. Все мы — воспитатели молодых артистов — систематически будем наблюдать за его работой и практически помогать ему, наезжая в Брест.

М. ТАРХАНОВ,
народный артист СССР.

Добронравов в роли царя Федора

Сорок два года живет на сцене Художественного театра его первенец — спектакль «Царь Федор Иоаннович». Роль царя Федора, прославленная в исполнении И. М. Москвина, позднее, в послеоктябрьские годы, была по-новому воплощена В. И. Качаловым и совсем недавно Н. П. Хмелевым. Казалось, что образ слабого и обреченного «царя» трагедии А. К. Толстого уже исчерпан Художественным театром в столь различных и глубоких интерпретациях. Тем более радостна новая творческая победа, которой только-что отмечено вступление в спектакль народного артиста СССР Бориса Добронравова.

Вряд ли такой большой актер, как Добронравов, взялся бы за эту роль только ради ее драматургического разнообразия и выигрешности, из-за слабыня проявить свой артистический темперамент на уже проторенных путях. С первых же картин трагедии — и чем дальше, тем больше — убеждаешься, что Добронравов ищет своего, особенно-го хода к самой сущности образа, взволновавшего его своим человеческим содержанием.

Он полюбил большую, мятущуюся душу своего героя и сроднился с ней. Его царь Федор странно и мучительно гостит на русском престоле. Он как будто носит в себе зыбкий внутренний мир, который легко расплескаться и трудно привести в соответствие с действительностью. Актер смело отказывается от сентиментальности: он отображает образ царя-дурачка, блаженного (местами подсказываемый автором) ради его сосредоточенной и беспокойной внутренней жизни. Потому его царь Федор так чутко-внимателен к окру-

жающему и так задумчив. Потому он так согрет своей несбыточной мечтой о согласии и мире на Руси и потому так страшно его отчаяние, когда тщетный расчет и безобразное злодейство врываются в его непрочный покой. Стиснув нервные руки, прижав их к груди, Добронравов — Федор словно защищает свою мечту от этих вторжений. А когда защитить ее невозможно, в тихом, богомольном паре вдруг вспыхивает на мгновение кровь Ивана Грозного, — но не взрывом жестокости, а взрывом безграничного отчаяния. Возбуждая в памяти такие минуты, зрители вспоминают, наверное, не слова, а дергающиеся губы и страдальческие глаза Добронравова.

Сила Добронравова — в его предельной искренности, темпераменте, простоте. Он не только не хочет, он не может ничего «играть», изображать, декламировать. Ступив на сцену, он ни на секунду не может отойти от образа, чтобы посмотреть на него со стороны или «подать» публике. Цепь простых, но сильных переживаний актера легко ведет его к моментам безотчетного душевного подъема. В. И. Немирович-Данченко часто говорил, что ради подобных секунд и существует все сложное искусство театра.

Исполнение Добронравовым роли царя Федора еще далеко не совершенно. В нем еще не все одинаково глубоко и значительно, еще временами однообразны и сыроваты его краски, еще не наполнены плотью и кровью многие замыслы актера. И тем не менее уже сделанного им достаточно для того, чтобы быть названным новым проявлением большого и трепетного таланта.

В. ВИЛЕНКИН.